

Глава 26-Возвращение Тьмы

Зал собраний Учихи был устроен подозрительно похожим на зал совета, со старейшинами, расположенными вокруг комнаты в форме половинки овала, с главой клана на вершине.

Комната была, по обычаю Учихи, уставлена ширмами Седзи от двери до двери, а на дальней стене висел шелк с эмблемой клана. В прошлом он никогда не бывал в этой комнате, так как в детстве не имел никакого отношения к политике клана, а когда загорелась идея переворота—они переехали в более уединенное место, чтобы обсудить свой не слишком цивилизованный план.

Как только Обито вошел в сопровождении какого-то Учихи Чунина, который был на пару лет старше его, в комнате воцарилась жуткая тишина.

- ...Учиха Обито, - наконец заговорил один из старейшин, нарушая молчание. Его тон не был ни насмешливым, ни приветливым.

Обито склонил голову набок. - Почтенные старейшины."

Это небольшое действие заставило нескольких наиболее агрессивных Учиха ощетиниться, ужаснувшись его отсутствию должного уважения. Старший из говоривших кашлянул, устремив холодный взгляд на младшего из присутствующих Учиху. -Ты понимаешь, почему ты здесь?"

Путешественник во времени, извиваясь, подошел к неиспользуемой подушке, зная, что она зарезервирована для него самого. Тот факт, что он был устроен очень похоже на судебное заседание, с его местом в оппозиции к другим, делал это довольно очевидным.

- Мальчик, - крикнул другой старейшина, сверкая глазами на месте. -Ты понимаешь, почему ты здесь?"

-Нет, не знаю, - просто ответил Обито, не обращая внимания на то, что этот человек, без сомнения, принял за угрожающий тон. Он чувствовал смутное желание продолжить эту шараду и еще больше разжечь гнев старейшин, но ему хотелось быть там так же сильно, как и всем остальным присутствующим.

Тут заговорил другой старейшина, которого Обито смутно припоминал под прозвищем "безвкусный идиот". - Обито-кун, тебе дали шанс вернуться в клан по собственному желанию, и ты проявил нежелание сделать это. Раньше это было оправдано, как невежество ребенка, но я боюсь, что мы больше не можем закрывать на это глаза."

Обито взглянул на Фугаку, который, несмотря на свою явную сдержанность, выглядел расстроенным. Либо этот человек согласился с этим решением, либо его заставили—и хотя он был склонен верить в последнее, особенно учитывая их последний разговор, он не мог

сбрасывать со счетов такую возможность.

-Джиро-Сан, - заговорил Фугаку, и глаза его слегка напряглись. "Окончательное решение еще не принято. Мы не можем просто позволить Обито вернуться в клан, если он этого не хочет."

- Простите мою дерзость, но у мальчика есть Мангэке, Фугаку-сама! При этих словах Обито замер, его глаза забегали по комнате. Это заявление никого не удивило. - Прежние условия касались того, чтобы он имел нормальную стадию трех Томоз, но то, что он продвинул свой Шаринган до такой степени, делает это соглашение недействительным!- Старик с усмешкой повернулся к Обито. "Если не просто для того, чтобы не дать другим завладеть его глазами, то мальчика нужно держать под наблюдением из-за природы его глаз. Мы все знаем цену, заплаченную за достижение этой власти, кто знает, что еще сделает мальчик, чтобы получить власть?"

Кулаки Обито сжались. Это была больная шутка, что они из всех людей обвинят его, как он был сейчас, в том, что он был безнравственным, властолюбивым монстром. Даже если эти слова были правдой для них, они были так же виноваты, как и он.

Но его разочарование и обида на них были незначительны по сравнению с более важным вопросом-как? Как они узнали об этом?

-Фугаку-сама был под присягой, - насмешливо прокомментировал старейшина, возможно заметив тревогу и вопросительный взгляд Обито. -Мы послали шпиона понаблюдать за вами в вашей последней миссии класса С, чтобы узнать, как вы справляетесь в бою, и было доложено, что вы продвинули свой Шаринган выше третьей ступени. Как странно было то, что Фугаку-сама исследовал додзюцу нашего клана—особый уровень—примерно в это время."

В любой другой день Обито мог бы задаться вопросом, почему этот человек считает благоразумным раскрывать так много информации, но в данном случае он знал. То, что они держали его на поводке и следили за ним, что за его движениями следили, было демонстрацией силы. Он повернулся к Фугаку, чье лицо было слегка напряжено, задаваясь вопросом, было ли это то, на что намекал этот человек раньше (и если это было так, то почему он просто не сказал это).

Обито все равно кивнул в знак благодарности этому человеку. Он понимал, что в определенной степени ответственность Фугаку, как главы клана. Под присягой он не мог солгать, и тот факт, что он так долго хранил тайну Обито, принес ему некоторую благодарность—даже если этот секрет не хранился бесконечно.

"Вы понимаете, сейчас, Обито-кун?- Безвкусный идиот-Джиро-говорил тихо, спокойно. "Это логическое завершение ситуации. Клан действительно имеет в виду ваши наилучшие интересы, и это имеет смысл только для тех, кто имеет кровь и имя Учihi, чтобы оставаться внутри—"

"Нет." Прервал его Обито

Джиро резко остановился, его глаза сузились. - ...Ты не можешь просто сказать "нет", дитя. Как бы то ни было, для этого нет никаких аргументов. Может быть, у вас и есть Мангэке, но вы не знаете, насколько он силен, верно? Вы можете получить надлежащее обучение, если вернетесь в клан вместе со своей семьей."

Обито рассмеялся.

-У меня есть идея получше. Предложение, - заявил он, оглядывая каждого из старейшин, прежде чем продолжить. -Если я принесу тебе голову другого Учихи, который не связан кланом, ты не будешь спрашивать меня, как я это сделал. Вы не станете спрашивать, откуда я его взял. Вы не станете угрожать никому из моих близких, чтобы узнать это. Вы позволите мне остаться независимым человеком."

В воздухе повисла тишина, когда несколько пар ониксовых глаз уставились на него, и он закрыл глаза. Он вступил в эту конфронтацию, ожидая получить самое большое выговор, но все закончилось тем, что он стал чем-то гораздо... большим. Он мог бы придумать какой-нибудь предлог, что-нибудь незначительное, чтобы отвлечь их внимание до тех пор, пока не отправится на мост Каннаби.

Но вместо этого он выдвинул этот ультиматум.

Он понял, что это предложение, эта сделка-знак того, что он готовится к возможности своего выживания после конфронтации. Но в этом не было ничего глупого. Страховка, сказал он себе, это просто страховка—всегда нужно быть готовым, даже к событиям с самыми ничтожными шансами. На самом деле его там не было...

Надеясь.

- ...Голова другого Учихи?- Наконец недоверчиво спросил старейшина. -Тот, кто не связан узами клана... что означает это предложение? - А что ты знаешь? Неужели вы действительно верите, что мы—"

-Я ничего не знаю, - резко перебил его Обито. -Я просто делаю вам предложение, которое вы можете принять, а можете и не принять. Но почему бы не принять его? В конце концов, каковы шансы того, что там будет посторонний, не вовлеченный Учиха, когда поколения прошлого клана позаботились о том, чтобы защитить его додзюцу?"

-Это уже к делу не относится—"

- Раздел четвертый политики нашего клана диктует, что если кто-то хочет присоединиться к клану и предъявить одобренный ультиматум, клан должен придерживаться его и любых подробностей. Обратное верно и может быть применено к этому случаю, - сказал Фугаку, прищурившись и глядя на старейшин. "Обито имеет право представить это предложение, и это просто вопрос одобрения. Я, Учиха Фугаку, ходатайствую об утверждении ультиматума Учихи

Обито."

Обито облегченно вздохнул. Он ничего не знал о политике и правилах клана, учитывая это, и внезапно он был очень благодарен за то, что у него был глава клана в качестве союзника в этой ситуации. Это было не так, как если бы он уделял особое внимание колючим старейшинам Учихи в детстве, и как отсутствующий Нин не было никакой необходимости знать об их политике, кроме того, где они встречались, чтобы он знал, где их убить.

Прошло несколько минут ропота и Тихого обсуждения, прежде чем голосование было подано, и Фугаку объявил результат. - Восемь голосов против пяти. В том случае, если Учиха Обито сумеет выполнить ультиматум, который он сам выдвинул, он должен быть навсегда исключен из клана."

Обито пристально посмотрел на каждого из присутствующих, отметив недовольное, но почти победоносное выражение на их лицах. Очевидно, он был прав, идя по этому пути; они даже не подумали бы поверить, что существует возможность существования негодяя Учихи без связей с кланом, и они, вероятно, полагали, что Обито только что подписал свое согласие на клан. Только горстка старейшин выглядела недовольной—те, кто пытался голосовать против этого предложения,—и было ясно, что из всех остальных они были более осторожными.

"Подождите."

Все повернулись к одному из старейшин (некогда прозванному "капризным"), когда он заговорил. -Я хочу установить предельный срок, Фугаку-сама.- Его глаза сверкнули твердой сталью, когда он наблюдал за своими соратниками. "Заключение этого соглашения без ограничения по времени позволит мальчику сохранить бессрочную сделку на неопределенный срок."

У некоторых хватало порядочности выглядеть смущенными своей оплошностью.

Фугаку тихо вздохнул, глядя на обито с чем-то вроде нерешительности. -Согласен, Кадзуки-Сан. Я предлагаю год—"

- Полгода, и не больше, - перебил его Кадзуки. Его заявление вызвало у остальных одобрительный ропот. -Мы не должны затягивать это испытание дольше, чем необходимо, Фугаку-сама."

Глава клана прищурился, но все же кивнул и повернулся к Обито. - ...Я понимаю. Ты согласен с этим, Обито?"

- Согласен мальчик или нет, это не имеет значения.—"

-Да, - ответил Обито, выдержав пристальный взгляд Фугаку. -Мы закончили?"

Прежде чем другой старейшина успел ответить или упрекнуть путешественника во времени за "отсутствие приличий", Фугаку объявил конец собрания. "Отложенный."

Присутствующие медленно отфильтровывались, некоторые игнорировали Обито изо всех сил, некоторые с любопытством наблюдали за ним, а некоторые насмешливо улыбались, проходя мимо. Путешественник во времени ждал с того места, где он сидел, пока он и Фугаку не остались одни.

Наконец глава клана встал и направился к двери. Обито последовал за ним. Они вышли на улицу, улицы были заполнены различными семьями Учихи, а магазины светились жизнью.

- ...Я не знаю, какой интерес этот человек проявляет к тебе, - наконец заговорил Фугаку тихим шепотом, - но я чувствую, что ты должен это знать. Данзо-сама был тем, кто сообщил Совету Учихи о вашем Шарингане. Он послал нескольких своих людей шпионить за вами во время вашей предыдущей миссии и пришел сообщить нам о своих находках."

Внешне Обито сохранял спокойную маску, не выдававшую ни одной из его внутренних мыслей внешнему миру. Он мысленно выругался. Он еще не планировал ничего предпринимать в отношении старого боевого ястреба, но, похоже, Данзо уже становился чересчур амбициозным.

-А вы знаете, что именно видели его шпионы?- Спросил он, и взгляд его стал острым, как сталь. В зависимости от информации, которую Данзо сумел получить через своих шпионов, Обито должен был действовать с осторожностью. Он почти не сомневался, что Минато не потерпит и не позволит "ястребу войны" послать своих людей следить за ними, но в том случае, если кто-то из корней Анбу все-таки проскользнет под радаром, он должен был убедиться, что между ним и "человеком в маске" нет никакой связи.

И если бы они стали свидетелями конфронтации между ним и Минато (в чем он логически сомневался до некоторой степени, иначе он уже был бы в T&I), его репертуар—особенно его Камуи-пришлось бы сократить.

Фугаку прищурил глаза. "... Нет. Он передал сообщение, что твои глаза " приняли новую форму, нечто более мощное, чем обычный Шаринган.- Он больше ничего не сказал о своих способностях или истинной глубине знаний—я более чем уверен, что он знает Мангэке так же хорошо, как и некоторые члены нашего клана, но старейшины слепы к этой возможности из-за гордыни и неуместной уверенности."

- ...Понятно, - тихо ответил Обито и отвернулся, обдумывая полученную информацию. Данзо был змеей, заговорщиком-манипулятором, который знал, когда следует скрывать информацию, а когда давать ее. Он согласился с Фугаку, что Данзо, вероятно, знает о Мангэке больше, чем говорит, но ему оставалось только надеяться, что на этом его уловки закончатся. -И это все?"

Фугаку кивнул, слегка поморщившись. -Я ... я прошу прощения. Я надеялся дать вам больше времени для обсуждения вопроса о вашем статусе Учихи, и я обещал вам, что этот вопрос

будет решен. Теперь пути назад нет, и старейшины заставят тебя присоединиться к клану. - Его голос понизился до шепота, а в глазах сверкнула твердая решимость. - Хотя мое слово, без сомнения, имеет сомнительную ценность в данный момент, я обещаю вам, что постараюсь свести их участие в вашей жизни к минимуму, насколько это возможно."

Обито похлопал пожилого мужчину по плечу-несколько неловкое движение, учитывая разницу в росте, - и они оба остановились посреди улицы. -Все в порядке, Фугаку-Сан. Я что-нибудь придумаю. Ты сосредоточься на Итачи, потому что он будет нуждаться в твоей помощи больше, чем я."

Глава клана нахмурился, но утвердительно хмыкнул. -Я все понимаю. Однако не стесняйтесь обращаться ко мне, если вы окажетесь в нужде."

-Я обязательно буду иметь это в виду."

Прощаясь в последний раз, Фугаку повернулся, чтобы идти домой, а Обито зашагал в противоположном направлении, проклиная каждую красочную ругань, которую только мог придумать в своей голове.

Он не думал, что Данзо уже так увлечен Учихой, и в этом была суть дела—он не мог оставить все как есть, иначе эта временная линия, без сомнения, перерастет в тот же конфликт, что и в прошлый раз. Ради всего святого, он все еще имел дело с Орочимару, и он даже не хотел думать о том, как он справится с этой ситуацией.

Миссия на мосту Каннаби (вернее, то, к чему она приведет) была для него концом, его последним актом. Раньше он надеялся, что сможет поговорить с Данзо позже, но теперь приближалась миссия на мост Каннаби, и он не знал раньше, что боевой ястреб решил продолжить свои наблюдения за ним. Зная о Мангэке Обито, он почти не сомневался, что тот больше не позволит ему действовать самостоятельно без пристального надзора.

Что, черт возьми, он должен был делать?

Он мог создать только два Каге Буншина одновременно, самое большее, не чувствуя существенного оттока чакры, и даже тогда они были Буншинами. Они рассеялись бы с одной царапиной.

Какая—то его часть проклинала свое прошлое-и то, что было мысленно два десятилетия назад, но то, что было всего лишь полгода назад. Если бы он решил просто убить Орочимару, у него не было бы так много проблем.

Глаза Обито сузились, когда он спрыгнул на крышу и ускорил шаг. Он должен был встретиться с Данзо. Он еще не решил, стоит ли просто убить этого человека (хотя, конечно, это было бы легче), но в данный момент этот человек был самым опасным, поскольку на самом деле он не был известен как враг Конохи—он был волком в овечьей шкуре и был в лучшем положении,

чтобы выпотрошить деревню изнутри.

"Обито!"

Путешественник во времени выругался, узнав этот голос, и ускорил шаг.

"Обито! Черт возьми, остановись!"

Учиха неохотно остановился, повернувшись к своему товарищу по команде с прищуренным взглядом. -В чем дело, Какаши?"

Какаши приземлился на другой стороне крыши, наблюдая за вороном. Он принял оборонительную позу ката и кивнул. - ...Давай спарринговать."

Обито уставился на него так, словно у него выросли две головы.

-Ну же, - настаивал Хатаке, его тон был язвительным. Подстрекающий. -Мы так и не дошли до спарринга, после того как я узнал, что ты от меня что-то скрываешь."

Учиха покачал головой. Он был наполовину недоверчив, наполовину проклинал свою удачу, ненавидя то время, которое выбрал его товарищ по команде. - Только не сейчас. Мне пришлось—"

Он резко поднял руки вверх в защитном движении, когда Какаши опустил ногу ему на голову от воздушного маневра. - Прорычал Обито, прежде чем схватить седовласого мальчика за лодыжку и отшвырнуть в сторону. -Не сейчас, Какаши."

Хатаке выпрямился и твердо приземлился на ноги, намекая на ухмылку под маской. -Ты просто боишься. Ты не хочешь проигрывать мне, поэтому убегаешь."

Руки Обито сжались в кулаки, но он отказался отвечать, отвернувшись, чтобы продолжить свой путь к корневой базе Данзо. -У меня нет на это времени.- Он слышал, как Какаши карабкается следом, пытаясь догнать его, и чувствовал, как гнев волнами накатывает на мальчика.

- ...Черт возьми. Черт возьми, Обито, что ты скрываешь? Почему ты убегаешь??- Он сплюнул и зарычал, пытаясь дотянуться до Учихи. - Почему ты так изменился? Тот Обито, которого я знал, не будет пытаться убежать от этого, он не будет убежать, как проклятый трус—"

Его тирада была внезапно прервана, когда рука Обито врезалась ему в яремную вену, оборвав его слова сдавленным вздохом. Обито бросил его на землю, придавив локтем, и Какаши уставился на него широко раскрытыми глазами. Он даже не заметил, как тот пошевелился.

- Какаши, это не ты читаешь мне нотации о нежелании сотрудничать, - прошепел Обито тихим, но строгим голосом. -Вы не говорите мне о том, что не знаете, что важно, потому что я могу сказать вам вот что—вы ничего не знаете. Правила, мораль, самосохранение-все это ни хрена не значит, особенно когда твои близкие умирают или уже мертвы. Какая польза от правил, которые должны поддерживать мир и порядок, когда люди, которых ты любишь и о которых заботишься, ушли?- Он еще сильнее надавил на локоть, и на его губах появилась болезненная, затуманенная улыбка. - Люди, которые держат тебя на Земле, люди, которые буквально являются твоей жизнью?"

Молчание было ответом Обито, и он вздохнул, отрываясь от Какаши, чтобы дать мальчику возможность дышать. Он чувствовал, как последние нити здравомыслия и самообладания выскальзывают из его пальцев, истончаясь от приближающейся угрозы миссии. Он не должен был вымещать свое разочарование на своем товарище по команде, но, честно говоря, его товарищ по команде также не должен был продолжать преследовать его, как это делал он.

Какаши нахмурился, когда он сел, глядя на Обито с (не испуганным, как он заметил) смущенным взглядом. - ...Я это знаю. Ты мне уже говорил."

Глаза Обито едва заметно расширились. Да, он уже говорил это Какаши раньше, но он не ожидал, что мальчик действительно примет его слова близко к сердцу. Он был удивлен, что вместо того, чтобы ответить своей верой в правила, Какаши сказал, что он знает... и он мог видеть понимание в глазах мальчика. Он не думал, что простой конфронтации будет достаточно, чтобы достучаться до его покрытого шрамами друга, безвозвратно пострадавшего от вида его мертвого, опозоренного отца. Но действительно ли он достучался до него в тот день?

Хатаке не заметил удивления и замешательства в глазах Обито, потому что тот отвернулся. -Я уже говорил тебе об этом. Мое прошлое и то, что я чувствовала. Я забочусь о Минато-сенсее. Мы-одна команда, ты, Рин и я. вы, ребята... вы-моя команда. Моя семья.- Какаши снова повернулся к Обито, его глаза были полны решимости. - Пожалуйста, Обито, расскажи нам, что происходит."

Его тон был искренним, в нем не было ни злобы, ни завуалированной угрозы. Никакой скрытой цели в его глазах не было.

... Он изменился.

Это была хорошая вещь, попыталась передать пришлось срочно напомнить себе. Теперь мальчик мог проявить сострадание и сочувствие; он понимал важность связей и ценил людей вокруг себя—без псевдосмерти товарища по команде. Какаши изменился до такой степени, что был почти незнаком, и обито не мог не думать о том, насколько сильно отличался Какаши этого времени от того, которого он знал. Та, которую он знал уже два десятка лет.

Рин сильно изменилась. Минато изменился. А теперь и Какаши тоже.

Обито закрыл глаза и встал, внезапно обнаружив, что очень, очень устал.

- ...Просто оставь меня пока в покое."

Он отвернулся и снова бросился прочь, не обращая внимания на то, что Какаши тоже вскочил на ноги и закричал ему вслед.

-Чт—ты идиот! Почему бы тебе просто не рассказать нам, что происходит??- Какаши прыгнул к нему, заметив, что Учиха немного замедлился. - Ты не можешь просто так ... —"

Его рука скользнула в пустоту там, где только что была рука Обито.

- Минато-сенсей!"

Адресованный блондин обернулась в вопросе, прежде чем его глаза остановились на странно нервном Какаши, пробирающемся к нему.

- Какаши?..- Осторожно позвал он, быстрым шагом направляясь к приближающемуся мальчику. Подойдя к седовласому Чунину, он внимательно посмотрел на него, заметив, как отчаянно расширились зрачки мальчика. - И что же случилось?"

-О-обито, - пробормотал Какаши между вдохами, прежде чем закашляться в попытке успокоить нервы. Минато положил руку ему на плечо в успокаивающем, поддерживающем жесте. -Я пошел поговорить с ним, спросить его, что происходит—я нашел его идущим из комплекса Учиха, и я сказал ему, чтобы он спарринговал со мной, так как я понял—я знал—что он просто не скажет мне, пока я не докажу себя, но он не будет, и я не знаю—"

Минато нахмурил брови, когда обычно сдержанный и сдержанный подросток перед ним медленно потерял свои запреты, более открытый своим эмоциям, чем когда-либо видела его блондинка. Его рука, лежащая на плече мальчика, напряглась в попытке удержать неустойчивого Хатаке. - Какаши. Что случилось?"

-Он исчез!- Выпалил Какаши, дрожа от выброса адреналина, но разум все еще лихорадочно работал. -Я пыталась убедить его рассказать мне, что случилось, объяснить все, но он просто ... отказался. Он убежал, используя Шуншин... и я не смог его догнать.- Он склонил голову, когда его поведение стало более сдержанным. -Я ... я пыталась найти его. Я решил, что смогу найти его, попробовать еще раз, и даже вызвал стаю, чтобы посмотреть. Но ... я просто не могла его найти."

Минато положил другую руку на плечо подростка, опустившись на колени на уровне его глаз. Он не мог не отметить с кривой усмешкой, что с тех пор, как Обито был заменен на его будущую версию, вся его команда—включая его самого—находилась в постоянном состоянии нестабильности. -Какаши, - тихо произнес он с суровым, непоколебимым взглядом. - Посмотри

на меня."

Чунин нерешительно поднял голову, его глаза были потерянными и встревоженными.

- С Обито все будет в порядке. С ним все будет в порядке, - повторил он Какаши, отчасти для собственной выгоды. - Поэтому я хочу, чтобы ты поехал домой и отдохнул, потому что ты не можешь позволить этому волновать тебя. Ваш экзамен на Джонина завтра, и вы будете делать все возможное на нем."

Какаши пристально посмотрел на него, прежде чем кивнуть, его обычная сдержанность вернулась с легкостью. Хотя Минато не нравилось, как его ученик старался дистанцироваться от окружающих, было еще хуже, когда мальчик полностью терял себя и все, что удерживало его на земле. Какаши был еще ребенком и поэтому нуждался в моментах эмоциональной разрядки, но для кого-то вроде него, кто уже пережил значительную потерю, он не должен был страдать от беспокойства потерять еще больше.

Минато задержал его взгляд еще на несколько мгновений, прежде чем выпрямиться и похлопать седовласого Чунина по спине. Он повернулся, чтобы посмотреть в направлении комплекса Учихи, и на его лице появилась небольшая морщинка. - ...Не беспокойся об Обито, Какаши. Хотя я уверен, что он ценит это чувство... оно не нужно."

Он был отвергнут и потому не видел этого, но сразу же почувствовал, что глаза его ученика резко повернулись к нему. - ...Ну, ты знаешь."

Через мгновение блондинка только торжественно кивнула. "... Да. Немного."

Между ними воцарилось молчание, и Минато не сомневался, что его ученик ждет объяснений. Однако это было то, о чем он еще не сообщил Хокаге, и об этом должен был рассказать сам Обито—особенно в отношении другого Чунина из седьмой команды.

Он услышал, как Какаши вздохнул и отвернулся, возможно, понимая, что не получит никаких ответов. - ...Увидимся позже, сэнсэй."

Хатаке ушел прежде, чем Минато успел ответить, но это мало что значило. Он бросился в сторону комплекса Учиха, как только почувствовал, что чакра его ученика исчезла в противоположном направлении.

Ему не потребовалось много времени, чтобы добраться до ворот, учитывая, что он не потрудился сдержать свою скорость.

Это было полное пульсирующее ощущение, которое он не испытывал бы, если бы не перенапряг свои глаза чакрой... но боль была желанным отвлечением, удерживая его в сознании. Что все это было реально, и что он не мог позволить себе сломаться.

Ещё нет.

Он прикусил губу, когда хендж рассеялся, но кривая усмешка все равно сорвалась с его губ. Он чувствовал все, что угодно, только не веселье, но эмоции и мысли внутри него бушевали, требуя освобождения—и это было единственное действие, которое он мог себе позволить, просто стесняясь вернуться и представить боевого ястреба своей собственной версии, настоящей Цукуеми.

- ...Итак, - тихо прошептал он, - я похож на Данзо, не так ли?"

Разумеется, он не получил никакого ответа и покачал головой. -Тогда тем больше причин

-Ах, Фугаку-сама, я прошу прощения, - нервно пробормотал один из привратников, переводя взгляд с лидера клана на кандидата Хокаге. -Н-мы не хотели ... —"

- Ацуси, Маширо, возвращайтесь на свои посты.- Ониксовые шары сфокусировали Минато. "Следовать за мной.- Он повернулся на каблуках, его хаори грациозно покачивалась в такт движению.

Минато сделал знак следовать за лидером клана, оставив двух ошеломленных привратников собраться и направиться обратно.

Когда они отошли на приличное расстояние от входа, Фугаку наконец заговорил: - ...Я предполагаю, что это касается Обито."

-Да, - ответила блондинка почти без выражения, ничем не выдавая своих чувств. - Полагаю, вы знаете, зачем я здесь."

Фугаку взглянул на него краем глаза, прежде чем снова посмотреть на дорогу перед ними. - ...К сожалению, я не могу созвать еще одну встречу."

Минато склонил голову в знак согласия. Он не ожидал, что этот человек назначит встречу только ради него. -Это прекрасно. Мне не нужно, чтобы они все присутствовали, просто столько, сколько вы можете собрать."

Вздохнув, глава клана покачал головой, и они продолжили свой быстрый путь. - Они узнали о Мангеке Обито."

Минато не сделал никакого внешнего движения или реакции в ответ на это откровение.

-Данзо-сама был тем, кто сообщил им об этом, - четко уточнил Фугаку, но слегка враждебный акцент был сделан на имени старейшины Конохи. -Он послал нескольких своих шпионов наблюдать за вашим учеником во время последнего задания, которое выполняла ваша команда. К несчастью, старейшины клана узнали, что примерно в это время я занимаюсь исследованием Мангеке, и я был обязан проверить их утверждения. Ранее Обито был вызван, чтобы узнать, что он должен присоединиться к клану, так как его уровень додзюцу был выше."

На мгновение воцарилась тишина, пока Минато обдумывал эти слова. Он испустил долгий страдальческий вздох, и его брови сошлись на переносице от разочарования. -И вы ничего не можете сделать, я полагаю."

-Совершенно верно, - холодно ответил вождь клана. - Это временно отложено из—за предложения, которое он сделал старейшинам, но результат все равно будет тот же-он вернется в клан через полгода."

Минато стиснул зубы и прищурился. -Нет, если мне есть что сказать по этому поводу."

Фугаку, который предоставляет ни слова в ответ, только криво, позабавленный взгляд. В конце концов они добрались до места назначения-Минато лишь смутно помнил, как входил в большое старомодное здание, ведущее в коридор, уставленный ширмами Седзи— и оба вошли без всяких предисловий.

Прищуренный Лазурный взгляд осмотрел комнату, отметив, что несколько пожилых Учиха сидели поблизости, разбившись на небольшие группы, беседуя за Сеги или чаем. Однако как только дуэт вошел, вся болтовня прекратилась, так как несколько пар ониксовых глаз повернулись и уставились на того, кто явно не был Учихой.

- ...Фугаку, - тихо пробормотал Минато, все еще оглядывая комнату. Казалось, их было слишком много, чтобы все они могли быть частью совета, но Фугаку привел его сюда. Конечно, по крайней мере некоторые из присутствующих были частью группы, которая пыталась заставить обито вернуться в клан. - ...Старейшины?"

-Они перед тобой, - растягивая слова, подтвердил вождь клана.

Резкий всплеск враждебной чакры запульсировал по комнате, немедленно заставив ранее расслабленных старейшин нервничать, когда они наблюдали за Минато с разной степенью удивления, шока и возмущенного гнева.

- ...Намикадзе-Сан, - поприветствовал ее один из старейшин, вставая навстречу блондинке. -И чем же мы обязаны этим людям?—"

- Учиха Обито, - тихо произнес Минато, но с явным резким намерением, которое заставило всех присутствующих насторожиться. - Сегодня утром вы потребовали, чтобы он вступил в клан, несмотря на то, что он ясно дал понять, что не намерен этого делать."

Некоторые из присутствующих старейшин оцетинились, услышав явно враждебный тон блондинки. - Обито-это Учиха, Намикадзе-Сан. Нет никаких причин, почему бы ему этого не сделать—"

-Когда Обито был ребенком, ты отрекся от него, считая бесполезным незаконнорожденным ребенком. Когда он должен был жить жизнью нежеланного сироты, паршивой овцы вашего клана, вы ничего не сделали и решили игнорировать его, потому что клан умыл свои руки от него. Когда гражданский представитель практически добрался до своей головы из-за сгоревшей квартиры и самого последнего инцидента, вы сидели сложа руки и ничего не делали.- Он стиснул зубы, выражение его лица было чем-то средним между насмешкой и рычанием, когда он прищурился. - Все это время он был для тебя лишь обузой, чем-то таким, над чем можно насмехаться. А потом, в тот момент, когда он проявит хоть каплю силы, многообещания-достижимого его собственными заслугами, заметьте, - вы немедленно заявляете, что он ваш?"

- Намикадзе-Сан, - тихо прорычал старейшина, вставая с вызовом и сверкая глазами. -Ты позволяешь предвзятости влиять на твое суждение по вопросу, где эмоции и личные привязанности совершенно нежелательны. Независимо от того, считается ли Обито Учихой по закону, и хочет ли он или клан реинтегрироваться в Учиху, он всегда будет оставаться Учихой по крови. Крайне важно, чтобы тот, кто обладает властью, которую никто до этого не осознавал и не мог бы осознать, оставался под защитой тех, кто понимает его силу."

Глаза Минато метались по комнате, вспыхивая жгучим гневом и вызовом—как они смеют даже пытаться сделать это, претендовать на статус семьи, когда он был тем, кто практически вырастил мальчика—прежде чем остыть до холодного, холодного взгляда. Его лицо расслабилось, плечи расслабились от медленно нарастающего напряжения, и он спокойно наблюдал за старейшинами.

- ...Вы правы, и я прошу прощения за свою неосторожность.- Он слегка поклонился в пояс, показывая, что был вежлив и понимал, что то, что он только что сделал, неприемлемо, а также давая понять на более низком уровне, что он действительно не сожалеет о своих действиях. -С моей стороны было неуважительно вести себя подобным образом в присутствии старейшин клана."

Несколько старейшин ухмыльнулись, метафорически выпятив грудь от гордости и преждевременной победы.

- Однако, - продолжал он, - клану Учиха нет необходимости вновь брать на себя опеку над Обито, поскольку он уже находится под опекой Узумаки Кушины и меня."

Они попытались возразить, но он перебил их скудные возражения с улыбкой, которая состояла из одних зубов, и низким, неумолимым тоном. -Ты никогда больше не будешь беспокоить Учиху Обито своими просьбами, или я могу обещать тебе, что тебе придется иметь дело с очень грозным врагом. Я достаточно ясно выразился?"

Ошеломленное молчание последовало за его заявлением, но Минато не испугался.

С последним кивком Фугаку (наполовину в знак благодарности, наполовину в знак разрешения уйти), который был взаимным, он ушел, позволив старейшинам уединиться, чтобы полностью обработать и осмыслить вопиющую угрозу.

Хотя это не считалось мудрым шагом для шиноби, намеченного в качестве потенциального кандидата Хокаге, Минато это не волновало. Клан Учиха пользовался его поддержкой, как и любой другой клан. Но если стать Хокаге означало бросить того, кого он практически вырастил, своего ученика, который уже прошел через столько испытаний (что он уже потерпел неудачу не один раз, а дважды), то все это для того, чтобы разжечь эго нескольких напыщенных старейшин с их устаревшими идеалами...

Тогда ему это было не нужно. Шляпа. Распознавание.

Роль.

Он любил жителей Конохи и видел в каждом из них людей, какими они были, а не инструменты или средства достижения цели, будь то гражданские или шиноби.

Когда это человечество оказалось под угрозой, под угрозой оказалась сама его мораль и идеалы.

А Минато был человеком, который твердо держался своих идеалов.

Скрытый тенями.

Именно таким человеком он был, когда ему отказали в должности Хокаге, и теперь он переоценивал свои взгляды в пользу своего некогда лучшего друга. Он держался в тени, живя как корни Конохи, которые, оставаясь невидимыми, поддерживали незыблемые основы деревни. И с некоторым юмором обито отметил, что, несмотря на то, что он был человеком теней... он все еще не полностью владел собой.

- Шимура Данзо."

Старейшина напрягся с того места, где он сидел, хотя реакция была мимолетной и непроницаемой для неподготовленного глаза—и все же для такого человека, как Данзо, она была столь же красноречива, как сигнальный маяк. Его единственный открытый глаз медленно поднялся со стола, держа перед собой пергамент, и устремил тяжелый взгляд на фигуру в тени.

Его глаза сузились, то ли угрожающе, то ли оценивающе, когда он попытался разглядеть смутные очертания человека, стоящего у его двери, а скудный свет свечи едва достигал ног

незваного гостя. -А какое у вас здесь дело?"

Обито слабо ухмыльнулся под своей маской. Данзо был таким же твердым и недоверчивым, как всегда, но ясно понимал, что личность будет сохранена и что допрос мало поможет в данном случае—возможно, маска помогла в этом отношении. -У меня есть к тебе вопрос."

Он наблюдал за боевым ястребом, пока тот медленно опускал перо, но все же держал руки на виду. Путешественник во времени, хотя и знал, что Данзо не был импульсивным человеком, был удивлен тем, что он не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать или хотя бы вызвать своих корневых агентов—обито знал, что не следует недооценивать этого человека, и держал свои чувства настороже ко всем сигнатурам чакры поблизости, так что он знал, что человек еще не вызвал подкрепление. Либо Данзо понимал, что его превосходят, и понимал, что попытка сдержать человека, сумевшего незамеченным проникнуть в глубь его базы, будет напрасной, либо он ждал удобного случая.

Обито действительно не мог бы оставить это за человеком, чтобы оба подали заявление.

-У меня нет для тебя никакой информации, - твердо произнес боевой ястреб, прищурившись при виде тени, отбрасываемой маской обито. Он не мог не задаться вопросом, был бы Данзо таким же смелым, если бы знал, что это был Шаринган, спрятанный в тени.

-Но ты же знаешь, - просто и непринужденно ответил он. -Это разумный вопрос, и вы можете ответить на него, если хотите. Если вы не чувствуете склонности отвечать, то это все равно ответ.- То, что он может решить убить боевого ястреба, если тот окажется несговорчивым, осталось невысказанным и неизвестным другому.

Прошло несколько мгновений напряженного молчания. Данзо уверенно наклонил голову, его тело напряглось и сжалось, готовое к конфронтации.

-Чего же ты хочешь, Данзо?- Спросил Обито через мгновение, оценивая его состояние. -А что ты хочешь для Конохи?"

Единственным признаком удивления было легкое подергивание пальцев мужчины. Он казался настороженным, нерешительным. "Хорошо, - тихо подумал про себя Обито, - так и должно быть.'

Мгновение неосторожности прошло быстро, когда бесстрастный взгляд снова скользнул по лицу боевого ястреба. - ...Я хочу, чтобы Коноха процветала и была той верховной властью, которой она заслуживает. Вот и все."

Это было, мягко говоря, гордое заявление, и Обито знал, что тот ответит ему тем же. Это было то, что многие из тех, кто знал Данзо, знали о нем, и для путешественника во времени не было ничего удивительного в том, что цель этого человека не изменилась.

-... Вы уверены?- Спросил он через мгновение с вызовом. -А ты уверен, что это желание видеть Коноху неудержимой, желание для Конохи? Его глаза сузились, когда он вспомнил заблуждения этого человека, его страсть к положению Хокаге и то, как он покинул вершину Каге, как только возникла опасность, несмотря на то, что знал, что такое шоу будет рассматриваться как трусость и слабость в глазах других народов. Данзо, который всегда стремился быть Хокаге, только еще больше доказал тот факт, что он был эгоистичным негодяем, который думал только о своих лучших интересах. - ...Или ты хочешь власти, престижа и того, чтобы тебя считали "верховой властью"?"

Обито вложил в это последнее заявление больше эмоций, чем хотел, и прищуренный взгляд боевого ястреба подтвердил его слова. - ...Вы наивны, - холодно и унижительно ответил он. - Да, это прекрасная идея-думать, что есть нечто большее, чем то, что говорится,—верить, что существует такая вещь, как мирная справедливость. Но это не совсем так. Мир и дружба будут длиться лишь до тех пор, пока жив тот, кто принес им плоды... но что тогда? "Передача традиции" кому-то другому?- Уголки его глаз слегка напряглись, демонстрируя сдержанность в том, что явно было бы проявлением явного отвращения. "Никто не будет кланяться тому, кто заменит оригинал, новый режим должен быть создан для того, чтобы молодые поколения могли проявить себя ... но власть и страх-это разные вещи. Они вполне конкретны. Независимо от того, сколько поколений пройдет, пока кто-то сильный, кто-то могущественный контролирует ситуацию, тогда Коноха никогда не падет."

- Положение Хокаге практически синонимично слову "тот, кто сильнее всех", не так ли?- С вызовом спросил Обито, делая шаг вперед. Он был удивлен, что Данзо не совсем отказался от своей линии расспросов и, казалось бы, ответил тем, во что он действительно верил—каким бы извращенным ни было это убеждение. -Так почему же страх тоже должен быть включен? Сила важна, да, чтобы поддержать слова, которые вы говорите, но страх не является необходимым компонентом. На самом деле, я бы сказал, что сострадание и компетентность, понимание деревни и ее народа гораздо важнее."

Рука Данзо дернулась, и на мгновение Учиха напрягся, готовясь к нападению или ответному удару. "Ожидается, что власть приходит на буксире с компетентностью и интеллектом, иначе человек был бы мертв. Те, кто позволяет состраданию просачиваться сквозь их суждения, не заслуживают титула Хокаге или любого другого титула—в мире Шиноби такое нежелание скорее приведет к концу деревни. Безжалостность, сила и хитрость - вот те элементы, которые наиболее важны."

-А как же люди?- Спросил путешественник во времени, чувствуя слабое шевеление недовольства и разочарования. Этот разговор выходил за рамки простого определения ценности "боевого ястреба", это был спор убеждений. И все же, несмотря на то, что он знал, что путь Данзо принесет только разрушение, он был... "гражданами Конохи? Тираны могут сделать только так много, держа народ под строгим контролем! Никто не может быть счастливым при таком деспотичном режиме, особенно шиноби, и мира никогда не будет—"

- Их счастье не имеет значения.- Эти слова были произнесены тихо, строго, с ледяным оттенком, когда боевой ястреб отрезал свой собственный. - Не их счастье лежит в основе деревни, а их жизнь, их сила. Их существование. Ибо нет деревни, если нет граждан, и слабые первыми будут уничтожены во время такой бурной войны, как эта. В таком мире, как наш, нет места состраданию или сочувствию, поскольку враги без колебаний воспользовались бы

такими слабостями. Чтобы выжить, мы не можем проявлять слабость или эмоции.- Его голос стал громче, а глаза опасно сверкнули. -Нет такого понятия, как "мирное правосудие".- Мир безжалостен, и шиноби умирают, как враги, так и союзники. Единственный способ сделать свои идеалы известными и принятыми-это применить силу, будь то власть, страх, обман или все вышеперечисленное. Не изливай мне свои идиллические слова, ибо ты увидишь, как невежественна и глупа ты на самом деле."

Кулаки Обито сжались в темноте, когда боевой ястреб наблюдал за ним, явно ожидая какого-то ответа или словесного возмездия. Но путешественник во времени не мог этого сделать, потому что он погрузился в свои мысли, когда полностью осознал смысл и значение того, что сказал Данзо.

Он был встревожен.

Несмотря на знание того, к чему привел его путь Данзо, несмотря на знание различий, его собственные мораль и мысли были на самом деле... похожи на мысли обито.

Это была пугающая мысль, но Учиха не мог не упомянуть ее в своем сознании по ходу разговора. Например, немного о "мирном правосудии" ... разве не в это верил и обито?

Он не хотел садиться и разговаривать со своими врагами, потому что чувствовал, что это бессмысленно. Если бы он действительно думал, что сможет убедить Мадару изменить свой образ жизни, то не планировал бы его смерть прямо сейчас—он бы попытался вернуть его в Коноху, чтобы с ним разобрались власти и клан. Он бы вывел Орочимару из строя и оставил его на пороге Хирузена с метафорическим ключом от лаборатории змеи, обернутым бантом. Но почему же? Зачем ему тратить свое время, пытаясь обратить в свою веру человека, который прожил столько лет в слепой ненависти и уверенности? Человек, который так глубоко укоренился в своих извращенных идеалах и мечтах о бессмертии, что давно уже отбросил свою человечность? Гораздо проще было просто избавить мир от них, от всех других угроз, которые, как он чувствовал, могли навредить Конохе и ее народу.

И конечно же, " их счастье не имеет значения.- Даже несмотря на то, что обито действительно хотел, чтобы его команда была счастлива сейчас, ему все еще не хватало этого отношения. Слова Данзо резонировали с тем, во что он когда—то верил-пока они были здесь, даже если они были иллюзией, для него это не имело значения... нет. Нет, на самом деле его рассуждения были еще хуже. По крайней мере Данзо оценил тот факт, что жители Конохи были живы, но Обито, Тоби...? А теперь, чем он пожертвовал?

Он никогда никому не говорил правды, он хранил свои секреты, не обращая никакого внимания на то, что причинял им боль, и все потому, что был способен оправдать свои действия слепым, запутанным способом.

Потому что "так будет лучше."

Все это время он чувствовал, что его задача проста: сохранить жизнь своей команде, сохранить

жизнь своей семье, сохранить жизнь Конохе, сдержать зецу и убить Орочимару, Данзо и Мадару. Но все оказалось не так просто.

Данзо, несмотря на все его недостатки и запутанные интриги, все еще был важен. Это важно для Конохи. Даже с его пагубным вмешательством в будущее, Обито не мог убить его.

(Он знал это и раньше, но, войдя в дом, намеревался выслушать этого человека. Слушая, обвиняя и оправдывая причину убить его, несмотря на его положение в иерархии Конохи. Но он больше не мог этого делать, все было не так просто.)

Убить этого человека сейчас означало уничтожить могущественную подставную фигуру и вторично уничтожить его скрытую силу. Если бы он убил ястреба прямо сейчас, в разгар войны, деревня не смогла бы сохранить это в тайне. Другие деревни рано или поздно узнают об этом и, скорее всего, воспримут это как признак слабости и нападения. Коноха нуждалась в Данзо прямо сейчас, несмотря на то, что Обито искренне переживал по этому поводу.

Минутное, почти незаметное колебание чакры заставило Обито насторожиться. Он резко вытянулся по стойке смирно, глядя на уверенное выражение лица боевого ястреба.

-А теперь, я полагаю, мы уже достаточно поговорили о философии и тривиальных мнениях, - ровным голосом произнес он, когда Обито почувствовал, как чакры корня Анбу буквально растаяли в комнате. Он был прав: Данзо тянул время, выжидая удобного случая, чтобы нанести удар, и их небольшой спор предоставил именно такую возможность. -Теперь пришло время узнать правду и то, как вы относитесь к моей деревне."

Желание что-то сделать, расплавить лицо ублюдка, вывернуть ему руки из орбит, искалечить его и оставить парализованным, было удушающим, но укоренившиеся инстинкты Обито сработали раньше, чем он успел сделать то, что хотел. Пространство вокруг него сдвинулось, искривилось прежде, чем корень Анбу смог пронзить его своим оружием.

Обито рухнул на плоскую, гладкую поверхность внутри своего измерения, зажмурив напряженные глаза.